

РОССИЙСКАЯ ПРОПАГАНДА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Мацумура МАСАЁСИ, доктор юридических наук, профессор, крупный специалист по истории русско-японской войны. Автор монографий «Путь в Портсмут» и «Русско-японская война и Канэко Кэнтаро».

На очередном XI заседании Общества военной истории, которое состоялось 4 декабря 1999 г., автор, исходя из результатов предыдущих исследований, сделал доклад «Антироссийская пропаганда Японии во время русско-японской войны»¹. Вообще, исходя из предположения, что, возможно, относительно российской стороны будут вопросы в последовавшей за этим докладом дискуссии, автор встал перед необходимостью предвидеть существо вопросов и ответов, и это был бы естественный поворот темы, если считать естественным, что они могут пойти вразрез с содержанием этого доклада. Однако в действительности в ходе дискуссии вопросов не последовало, но при обмене мнениями неожиданно один из участников задал вопрос такого рода: «После доклада стала понятна суть внешнеполитической пропаганды Японии во время русско-японской войны, а какова была подобная пропаганда России в то время?»

В предлагаемой статье я попытаюсь ответить на вопрос участника заседания.

О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Русско-японская война началась на два дня раньше объявления Японией войны России 10 февраля 1904 г. 8 февраля 1904 г. японский флот напал на российскую эскадру в Льюшунькоу (Порт-Артур. — **Прим. пер.**), а на следующий день, 9 февраля, — на 2 российских корабля, стоявшие на якоре в Чемульпо.

Поэтому Россия сразу же резко критиковала вероломство японской стороны, начавшей боевые действия до объявления войны. Это было расценено как нарушение международного права. Тогдашний посол России в США граф Артур Кассини (Count Arthur Cassini) заявил, в частности, что нападение японского флота на русский крейсер «Варяг» в Чемульпо накануне объявления войны — это вопиющее нарушение международного права с японской стороны. Означенный посол с началом русско-японской войны стал вести пропаганду, сводившуюся к тому, что японцы являются варварской нацией, имеют агрессивные намерения в отношении белой расы, и нынешняя русско-японская война — не что иное, как борьба между христианским и языческим государствами². Это была внешнеполитическая пропаганда, нацеленная на возрождение теории так называемой желтой опасности.

Иными словами, содержание российской внешнеполитической пропаганды во время русско-японской войны — это утверждение, что нападение японского флота на русскую эскадру и корабли до официального объявления войны является нарушением международного права (во всяком случае с этической стороны, потому что с правовой точки зрения до формального утверждения конвенции о начале войны на Всемирной конференции о мире в Гааге в 1907 г. нападение Японии на Россию не являлось нарушением международного права). Российская пропаганда регенерировала теорию желтой опасности, сводившуюся к тому, что русско-японская война — это война между белой расой и желтой расой или религиозная война между приверженцами христианства и язычниками. Первое утверждение имело целью международную изоляцию Японии как варварской страны, нарушившей международное право. Вместе с тем Россия призвала содействовать организации нового христианского крестового похода против языческой Японии.

«СРАЖЕНИЕ» ПРОПАГАНДИСТОВ

Япония направила в США Канэко Кэнтаро, а в главную европейскую страну Англию — Суэмацу Кэнтё, которые приступили к внешнеполитической пропаганде против России и разъярению политики Японии.

В США тогда было много эмигрантов из России, а общественное мнение США во внешнеполитическом плане в основном поддерживало Россию. Чтобы повернуть американское общественное мнение в другую сторону, сделать его прояпонским, член палаты пэров граф Канэко Кэнтаро в своей речи памяти погибшего в бою командующего Тихоокеанским флотом России адмирала С.О. Макарова, произнесенной 14 апреля 1904 г. в университетском клубе в Нью-Йорке, и в другой большой речи в Бостонском университете постарался резко повернуть общественное мнение США в направлении, благоприятном для Японии.

Вероятно, поэтому посол России в США Кассини, видя, что «после начала войны народ США обманывают, используя различные уловки, и тем самым бессовестно разрушают планы создания пророссийских настроений, сильно разгневался, тотчас же заявил об этом американскому правительству и тем самым задумал оживить ухудшившуюся ситуацию»³. Вместе с тем и российское правительство, как следовало ожидать, не собиралось быть сторонним наблюдателем резко изменившейся обстановки.

Немедленно, весной 1904 г., как будто для того, чтобы успешно противодействовать пропагандистской деятельности, начатой Канэко, правительство России отправило в США князя Ухтомского (Esper Esperovich Ukhtomskii), президента Российско-Китайского банка. Князь стал вести пропагандистскую деятельность в пользу России, как и Канэко Кэнтаро⁴ в пользу Японии. В то время Ухтомский был также журналистом издававшейся в Санкт-Петербурге газеты «Ведомости», и директором КВЖД. Кроме того, князь был известен как активный разработчик стратегии России на Дальнем Востоке. В 1891 г. (24 г. Мэйдзи) он состоял в свите наследника престола, будущего императора России Николая II, во время его путешествия в Японию. После возвращения в Россию по распоряжению того же наследника престола Ухтомский занимался изданием записок о Востоке, активно вдохновлял стратегию России в Азии. В ноябре 1903 г. (36 г. Мэйдзи), незадолго до начала русско-японской войны, когда российский император встречался с немецким императором в Висбадене, князь вёл обзор российско-японских отношений в своих «Ведомостях», был одним из тех, кто занимался такого рода пропагандой. Он писал: «Со временем Россия, как дьявол, сильными ногами наступит на Японию, которая, несмотря на свою слабость, ведёт себя надменно, и сокрушит её, и это становится неотложным»⁵.

Согласно «Энциклопедическому справочнику Иванами» (дополненное и исправленное издание, 1991 г.), Ухтомский родился 26 августа 1861 г., дата

смерти неизвестна. Учился в Петербургском университете, служил в Министерстве иностранных дел (с 1884 г.). Был славянофилом, однако постепенно проникся интересом к Азии, часто путешествовал на Кавказ, в Среднюю Азию, Индию, Сибирь и на Дальний Восток... Стал президентом Российско-Китайского банка (1895), встречал Ли Хунчжана в Суэце по случаю коронации Николая II и направил его прямо в столицу России, приложил большие усилия к заключению тайных соглашений между Россией и Цинским Китаем (договор о строительстве КВЖД (1896 г.)), стал генеральным директором правления КВЖД. В газете «Петербургские ведомости» настаивал на сближении Азии и России и на необходимости теснейшей консолидации с ней. Впоследствии, используя бурята Дорджиева, содействовал установлению дружеских отношений между российским императором и тибетским далай-ламой (1900 г.), но, встретив противодействие со стороны Англии, не добился больших результатов. Даже из этого краткого изложения следует, что в России он был действительно значительной личностью, имевшей большой вес.

Князь Ухтомский привёз с собой рекомендательные письма от влиятельных лиц российского правительства в адрес тех, кого следует называть нью-йоркской аристократией; возникло такое положение, когда он активно встречался с влиятельными людьми в различных сферах деятельности, проживавшими в этом городе. Однако было не так легко найти людей, которые будучи влиятельными нью-йоркцами взяли бы на себя труд организовать встречи для русской миссии, чтобы апеллировать к американцам и создать выгодную ситуацию для России. В конечном счете компания князя, так и не получив возможности провести хотя бы одно публичное выступление в Нью-Йорке, покинула этот город и вынуждена была направиться в Вашингтон. Но и там русский посол Кассини испытывал затруднения в организации пропагандистской деятельности князя, поэтому тот вскоре же переехал в Филадельфию, а затем — в Чикаго. Однако и здесь «ни один из американцев не захотел устроить банкет для приветствия его делегации, и Ухтомский вынужден был с тяжёлым сердцем вернуться на родину»⁶.

ОТКРЫТИЕ В БЕРЛИНЕ ГАЗЕТНОГО АГЕНТСТВА ТАТИЩЕВА

Что касается внешнеполитической пропагандистской деятельности Японии в Европе, центром которой была германоязычная сфера — Германия и Австрия, то сразу же после начала русско-японской войны на эту деятельность возлагались большие надежды. В Германии того времени жил некий Александр фон Зибольт (Alexander von Siebolt), который будучи немцем был наделён особым рангом японского дипломата, являлся так называемым «наёмным иностранцем» на родине в Германии. В 1900 г. (33 г. Мэйдзи) во время боксёрского восстания он выступил с «начинанием» организации японского агентства по внешнеполитической информации⁷, вследствие чего его высоко ценили в японском правительстве.

Поэтому японский министр иностранных дел Комура Дзётаро уже 5 января 1904 г., еще до начала развязывания войны Японии с Россией, направил телеграмму посланнику в Германии Иноуэ Кацуносукэ (текст на английском языке), в которой писал: «С целью влияния немецкой и австрийской прессы в создавшихся обстоятельствах было бы желательно воспользоваться услугами барона фон Зибольта. Если Вы неким образом обдумаете это, я телеграфирую через Вас инструкции для него». Уже в то время посланник Иноуэ, должно быть независимо от указания министра иностранных дел думал так же. В тот же день посланник ответил министру: «В таком случае приступаю к управлению газетами через данного барона, полагаю, что это самое неотложное и необходимое». Позже, 14 марта, спустя месяц после того, как Россия и Япония начали войну⁸, Иноуэ сообщал своему министру: «Упомянутый человек (Зибольт) после этого постоянно пребывает на данной земле, каждый день обходит все газеты, бывает здесь и там, а если появляются статьи невыгодного

характера для Империи, сразу же на следующий день в газете печатается опровержение; когда появляются безосновательные пункты с российской стороны, с помощью использования метода об объявлении их ошибками он стремится просветить общественное мнение о позиции Империи, использует различные способы, чтобы разрушить неправильное понимание, и Ваш посол весьма удовлетворён этим рвением, в результате того, что до сегодняшнего дня он прилагал косвенные усилия во имя нашей Империи, воистину это немалые заслуги...»

Россия не могла быть сторонним наблюдателем такой пропагандистской деятельности японцев в германоязычной сфере, и в мае того же года в Берлин был направлен человек — тайный советник Сергей Татищев (Sergius von Tatischeff). Он открыл там агентство. Об этом посланник Японии в Германии Иноуэ вскоре же сообщал министру иностранных дел Комура⁹: «Российское правительство в истекший день отправило в Берлин господина Татищева из министерства иностранных дел, он через немецкие газеты в тоне, довольно выгодном в дальнейшем для России, развернул движение с нападка на Японию, для покрытия расходов на это движение Татищев привез с собой огромную сумму денег».

Сам Татищев тотчас же после открытия газетного агентства в интервью одному немецкому журналисту следующим образом говорил о собственном статусе и задачах, возложенных на его газетное агентство:

«Вновь основанное нами газетное агентство должно рассматриваться под тем же углом зрения, как те, кто используется правительствами других стран. Собственно говоря, принцип учреждения этого газетного агентства есть не что иное, как посредством фактов разъяснять истинное положение вещей относительно внутренней обстановки в России и тем самым исключать ложные и ошибочные мнения, передаваемые в другие страны. В особенности в нынешней войне (русско-японской) мы считаем все более и более необходимым это учреждение в то время, когда во множестве приезжают в Петербург и приступают к исполнению своих обязанностей корреспонденты из-за рубежа — Англии, Франции, США, Германии и других стран. По этой причине то, что касается внешней политики, входит в наши обязанности. То, что имеет отношение к нам в связи с нынешней войной, ограничивается единственно случаями влияния на внутреннюю политику России, а также фабрикацией и распространением японцами необоснованной ложной информации относительно действий России.

Следовательно, газетное агентство, инспектируемое нами, как это признано в Германии, не подлежит надзору со стороны Министерства иностранных дел (России), а подчиняется министру внутренних дел фон Плеве»¹⁰.

Однако пропагандистской деятельности Татищева на Германию мешало недоверие со стороны немцев, порожденное тем, что он сам вел пропаганду против Германии перед этим, в период службы в Лондоне¹¹. Татищев переместился в Париж, но, в конце концов, по некоторым сведениям, и там потерпел неудачу и вскоре даже потерял место российского чиновника.

ИНЦИДЕНТ С ЗАХВАТОМ В НЕЙТРАЛЬНОМ ПОРТУ РУССКОГО КОРАБЛЯ «РЕШИТЕЛЬНЫЙ»

Во время русско-японской войны было два инцидента, по поводу которых российская сторона снова обвиняла Японию в нарушении международного права. Первый, как было замечено выше, — это внезапное нападение японского флота на Льюшунью (Порт-Артур), а второй инцидент произошел с эсминцем «Решительный». 10 августа 1904 г. этот эсминец нашел убежище в порту Чифу нейтрального Китая, а на следующий день, 11 августа, японский флот вторгся в данный порт и захватил эсминец. Россия утверждала, что Япония не имела права вторгаться в нейтральный порт, захватывать и буксировать военный корабль, даже принадлежавший вражескому государству, что это игнорирование и нарушение прав нейтрального государства.

В результате этого инцидента обстановка стала неблагоприятной для Японии, ее поведение было резко осуждено Соединенными Штатами Америки и европейскими странами.

В частности, английский авторитет того времени в области международного права Т. Дж. Лоренс во втором издании своего труда «Война и нейтралитет на Дальнем Востоке» (сентябрь 1904 г.) пишет об этом инциденте: «...Мы вынуждены прийти к заключению, что имело место серьезное нарушение нейтралитета»¹². Президент США Т. Рузвельт расценил этот инцидент как неподобающую меру со стороны японского флота. Обстановка развивалась в направлении, которое Японии трудно было игнорировать.

Министр иностранных дел Японии Комура 22 августа 1904 г. заявил, что Чифу нельзя считать абсолютной нейтральной портом, а скорее это база телеграфной связи для российской стороны, это оперативная база для военного снабжения Комура разослал всем правительствам, начиная с США, соответствующий меморандум¹³ и через иностранные информационные агентства опубликовал его во всех газетах США и европейских государств. В результате этого критика в адрес Японии постепенно пошла на спад.

ИНЦИДЕНТ С ОБСТРЕЛОМ ПОЕЗДА КРАСНОГО КРЕСТА

Россия умело использовала в своей пропаганде инцидент с обстрелом японцами из орудий санитарного поезда¹⁴. Действительно, 6 мая 1904 г. в окрестностях конторы Пхулань в результате орудийных выстрелов, сделанных японскими войсками по поезду, пришедшему из Люйшуня (Порт-Артур) под флагом Красного Креста, в вагонах были убитые и раненые. Это сразу же было расценено как пропагандистская акция, не имевшая под собой фактического основания, и обвинения против Японии вскоре были развеяны. (Непонятно, почему и кем были развеяны. — Прим. ред.).

ДЕЙСТВИЯ ПО ПОДКУПУ ГАЗЕТ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПОРТСМУТЕ

В общем можно сказать, что антияпонская пропаганда российской стороны в период реальных боевых действий была пассивной и вялой по сравнению с японской пропагандой. В результате победы Японии в войне в последней декаде мая 1905 г., спустя немногим больше двух месяцев после ее окончания, начались переговоры о мире между Россией и Японией, проведенные при посредничестве американского президента Теодора Рузвельта в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир. И нужно сказать, что внешнеполитическая пропагандистская деятельность российской стороны, представленной на переговорах полномочным представителем России Сергеем Витте (Sergei Vitte), внезапно оживилась, проводилась поистине открытая дипломатия.

Бывший министр финансов Витте, назначенный императором Николаем II полномочным представителем на мирных переговорах, отправился из Санкт-Петербурга в Портсмут 19 июля. 27 июля во французском порту Шербур Витте сел на немецкий пароход «Кайзер Вильгельм Второй», направлявшийся в Нью-Йорк. На борту судна помимо сопровождавших российскую делегацию журналистов Брянчанинова (газета «Слово») и Суворина («Новое время») были английские журналисты Уоллес и Смолли (оба из «Лондон таймс»), к ним присоединились профессор Жирон (журналист из «Дейли телеграф»), французский журналист Адман (газета «Ле Матэн») и журналист Ришар (газета «Пти паризьем»), а также итальянский журналист Кортези (телеграфное агентство АР). Вместе с ними пошел в плавание и журналист Маккалом из газеты «Нью-Йорк геральд»¹⁵.

Витте, должно быть, задумал оживить внешнеполитическую пропаганду России с помощью многих видных журналистов из третьих стран, которые были нейтральными, — Англии, США, Франции, Италии. До того как судно 2 августа вошло в Нью-Йорк, Витте попросил профессора Жирона, на которо-

го особенно рассчитывал как на главное лицо в управлении газетами, передать в Европу и США по беспроволочному телеграфу свою точку зрения на Японию. Витте не только стал пионером в использовании беспроволочного телеграфа в журналистских целях¹⁶, но часто приглашал к столу журналистов, бывших на судне, выказывал им свое расположение, стремился через их посредство повернуть на сторону России симпатии мира в преддверии мирных переговоров. По прибытии в Нью-Йорк он огласил перед американскими журналистами, встречавшими его, заготовленную на судне декларацию «Обращение к американскому народу», он апеллировал к американцам, передавая свое отрицательное мнение относительно условий, в которые была поставлена Россия на мирных переговорах.

Когда 10 августа в Портсмуте начались официальные переговоры, Витте проинформировал об условиях японской стороны журналиста Кортези из телеграфного агентства AP, имевшего информационную сеть по всему миру¹⁷. Японской делегации оставалось только, как говорится, после драки махать кулаками. Позднее Витте часто проводил пресс-конференции и посвящал журналистов в состояние дел на переговорах о мире. Если сравнить с этим поведение Комура, который сказал журналисту, пришедшему за материалом, что «мы приехали в Портсмут не для того, чтобы снабжать пищу журналистов, а только для того, чтобы вести переговоры»¹⁸, чем до предела обострил гнев журналистов, то дистанция между сторонами в формировании общественного мнения быстро увеличивалась.

На восьмом заседании, 23 августа, когда переговоры о мире заходили в тупик, Витте прибег к тактике критики позиции Комура, который упорствовал в вопросе получения контрибуции, чем обратил на свою сторону журналистов. Когда на том же заседании Комура предложил разделить Карафуто (Сахалин), уже оккупированный японской армией, на две части, северную его половину передав России, а в качестве возмещения выплатить японской стороне 1,2 млрд. иен, Витте, не отвечая на это прямо, поставил гипотетический вопрос, что ему хотелось бы знать, если бы Россия уступила Японии не часть Карафуто, а весь остров, отказалась бы Япония полностью от компенсации. На это Комура ответил: «В Японии отказаться от требования оплаты военных расходов так же трудно, как отказаться от всего острова Сахалин, его нельзя исключить при всем желании».

Так Витте, заставив Комура дать отрицательный ответ на гипотетическое предположение об отказе от требования денежной компенсации взамен плана полного расчленения Карафуто, загнал его в тупик, тем создав имидж воинственной Японии¹⁹.

* * *

Таким образом, во внешнеполитической пропаганде, которую проводила Россия около одного года и нескольких месяцев с начала войны в феврале 1904 г. и вплоть до переговоров о мире, является непостижимым то, что со стороны России почти не было активной «прямой пропаганды», бросающейся в глаза²⁰. По одной из версий причин такой пассивной позиции российской стороны существует предположение, что это, видимо, связано с замыслом, что нанесение Японией первого удара является благоприятным моментом для возгорания патриотических чувств в России²¹. Однако в действительности и со стороны России нужно говорить о таких действиях, как направление князя Ухтомского в США, говорить об учреждении газетного агентства Татищева в Берлине, а также деятельности посольств, аккредитованных повсеместно, о работе по «управлению иностранными газетами».

Такого рода внешнеполитическая пропаганда, проводившаяся Россией, деятельность на переговорах Витте в итоге породили до такой степени превосходный пропагандистский эффект, что общественное мнение США, до этого

сформированное Канэко как прояпонское²², вдруг было повернуто в противоположном направлении и стало пророссийским.

Это показывает, насколько умелая пропагандистская деятельность может быть мощным оружием. Это является поистине хорошим поучительным примером, показывающим дух «дипломатии бюллетеней»²³, ее силу.

¹ О сути того доклада см.: «Гундзи сингаку» си (журнал «Военная история»). № 140: Доклады очередного заседания. С. 125—126.

² «Kaneko in America — Propaganda Mission: Some Interesting Reminiscences», the Japan Weekley chronicle, May 1st, 1924.

³ Канэко Кэнтаро «Нитиро сэньяку бэйкоку тайрюки» (Канэко Кэнтаро «Записки о пребывании в США в период русско-японской войны»). Ика «Бэйкоку тайрюки» — то рьякусё, дайнихэн, Мэйдзи сандзюкэнэн, гаймусё гайко сирёка сёдо (Ниже сокращённо: Записки о пребывании в США. Т. 2. 39 год Мэйдзи. Хранится в архиве истории внешней политики МИДа).

⁴ Подробно см.: Мацумура Масаёситэ «Нитиро сэнсо-то Канэко Кэнтаро — Кохо гайко-но кэн-ко, дзохо кайтэнхан, Синьюдо, 1987 нэн, 102—104 пэдзи (Мацумура Масаёси. Русско-японская война и Канэко Кэнтаро: Исследование дипломатии бюллетеней. Доп. и испр. издание. Изд-во Синьюдо. 1987. С. 102—104. О деятельности Ухтомского в Сибири есть частые упоминания в новейшем исследовании: David Wolff, To the Harbin Station. Stanford university press, 1999.

⁵ Канэко. Бэйкоку тайрюки. Т. 2.

⁶ Там же.

⁷ О деятельности А. Зибольта во время боксерского восстания подробнее см.: Отани Масаси «Киндай нихон-но тайгай сэндэн», Кэмбун сюппан, 1994 нэн, 301—326 пэдзи (Отани Масаси. Внешнеполитическая пропаганда Японии в новое время. Изд-во Кэмбун. 1994. С. 301—326). Автор также сделал доклад под названием «Боксерский инцидент и Александр Зибольт» на конференции 2000 г. Общества изучения внешней политики Японии (май. Зал международных заседаний в г. Нагоя).

⁸ Подробно об этой обстановке см.: Мацумура Масаёси «Нитиро сэнсо-ни окэру нихон-но «гайкоку симбун содзю» (уз), «Тайкё кокусай бунка», дайдзюго, 1997 нэн итгацу (дойцу-но бу) Мацумура Масаёси. Управление иностранными газетами в период русско-японской войны. Т. 1. Тэйкё бунка. № 10. Январь 1997. Часть, посвященная Германии.

⁹ Иноуэ дзайдоку коси-ёри Комура гайкоку дайджин-атэ Мэйдзи сандзю сити нэн гогацу сандзюити нитихацу — дэмпо дай нихяку дзюкою, гаймусё гайко сирёкан сёдо тодзири «Нитиро сэньяку-ни сайрокуку ни окэру каккоку симбун содзю иккэн» (Телеграмма от посланника в Германии Иноуэ в адрес министра иностранных дел Комура от 31 мая 37 г. Мэйдзи (1904 г.), № 219. Из архива исторических документов МИДа — «Управление газетами всех стран в период русско-японской войны»).

¹⁰ «Фукоку цусин симпо», дайитинго, дзикэй-но Мацумура «Нитиро-ни окэру нихон-но «Гайко симбун содзю» (уз)-но дойцу-но бу («Телеграфный вестник Пруссии». № 1. Цит.: Мацумура. «Управление иностранными газетами» со стороны Японии в период русско-японской войны. Т. 1. Раздел «Германия».

¹¹ Гайко сирёкан тодзири «Гайдзи симбун ронтё хококу-нами-ни гайкоку симбун содзю иккэн, доккоку-но бу» («Из архива документов по внешней политике», «Доклады о тоне иностранных газет, а также управление иностранными газетами. Раздел «Германия»).

¹² T.G. Lawrence, War and Neutrality in the Far East, 2nd edition, 1904. P. 292—293.

¹³ Гаймусё дзохан «Комура гайкоси» дзё-кэн, Симбун гакканся, Сева нидзю ситинэн, самбяку року пэдзи («История внешней политики Комура». Издание Министерства иностранных дел. Т. 1. Изд-во Симбун гакканся. 37 г. Сева (1962). С. 396.

¹⁴ Дзэнкэй-но Мацумура «Нитиро сэнсо-ни окэру Нихон-но» «Гайму симбун содзю» (Уз), рокудзюён — рокудзю року пэдзи-э сансё (См.: Мацумура. Указ. соч. С. 64—66).

¹⁵ О связях журналистов с мирной конференцией см.: Мацумура Масаёси «Почумасу кова кайги-то Нихон-но Хибия якуити дзикэн», Кэйо гидзюку дайгаку хогаку кэнкюкай, киё, «Хогаку кэнкю» дайгодзюрокукэн, дайсанго (Мацумура Масаёси. Мирная конференция в Портсмуте, специальные корреспонденты Японии и инцидент с поджогом в Хибия // Труды Общества исследования права университета Кэйо. «Изучение права». Т. 56, № 3).

¹⁶ Гаймусё дзохан «Комура гайкоси», гокан, Симбун гэкканся. Сева нидзю хати нэн, 119 пэдзи (Внешняя политика Комура. Т. 2. Изд-во Гэкканся, 1963. С. 119).

¹⁷ И.Я. Коростовец — Симата Сабурюку «Почумасу кова кайги нисси», Иси сёбо. Сева дзюхати-нэн, хатидзю сан пэдзи (И.Я. Коростовец, перевод Симата Сабуро. Дневник мирной конференции в Портсмуте. Изд-во Иси сёбо. 1943. С. 83).

¹⁸ Дзайсэй кэйдай гаккай «Симбун сэсэй — Мэйдзихэн нэнси», дайджюникан, госяку дзюни пэдзи (История Мэйдзи по газетным материалам Общества экономики и финансов. Т. 12. С. 512).

¹⁹ Мацумура Масаёси («Почумасу нитиро) кова косе-то сэрон», Окумура Фусао кансю — Кури-та Эцу хэнсю «Киндай нихон сэнсоси — дайиппэн, Ниссэй-нитиро сэнсо» (Дайдзю ни сэцу). Дотай кэйдай конвакай хакко, Кии куния сётэн хацубай, Тэйсэй сити нэн, роппяку нидзюроку рэдзи (Мацумура Масаёси. Мирные переговоры (в Портсмуте между Россией и Японией). Редактор Кури-та Фусао, составитель Окумура Эцу. История войн Японии в новое время. Т. 1.

История японо-китайской и русско-японской войн (глава XII). Издание Совета по экономике Дотай, реализация магазином Киикунэ. 1986. С. 625—626).

²⁰ Tyler Dennet, *Roosevelt and the Russo-japanese War*, 1925. P. 17—18.

²¹ Хара Тэраюкитё «Урадзиосутуку моногатари», сансэйдэ, 1998 нэн, нихяку садзю ни пэдзи (Хара Тэраюки. Повесть о Владивостоке. Изд-во сансэйдэ. 1998. С. 232).

²² Roman Rosen, *Forty Years of Diplomacy*, Volume 1, 1927. P. 267.

²³ Об определении «дипломатии бюллетеней» см.: Мацумура Масаёситё «Коксай корюси — кингэндай-но нихон», тидзинкан, 1996, кю-дзюни пэдзи (Мацумура Масаёси. История международного общения — Япония в новое и новейшее время. Изд-во тидзикан. 1996. С. 9—12).

Перевел с японского доктор исторических наук,
профессор **В. В. Совастеев.**

SUMMARY: «Russia's Propaganda During the Russo-Japanese War, 1904—1905» — this is the title of the article by Doctor of Law, Professor Matsumura Masayoshi, a distinguished authority on the history of the Russo-Japanese war. The author traces in chronology the peculiarities of the Russian propaganda during the years of war. In general M. Masayoshi gives a critical estimate both of the Russian military propaganda and the activities of armed forces of Russia.